

по Рукам и Ногам

Анна
ШЕОЛ

18+

ТЫ
ПРИВЫКНЕШЬ.
ЕЩЁ ПОЛЮБИШЬ
МЕНЯ.

Анна Шеол
По рукам и ногам. Книга 1
Серия «Белыми нитями.
О страсти, свободе и лжи»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64852222

По рукам и ногам: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-121245-2

Аннотация

Работать официанткой в бордель-кафе не входило в мои планы. Но когда ты просыпаешься в канаве с разбитой головой, без семьи и прошлого, тебя особенно не спрашивают. Тряпку у зубы и марш драить столы после двенадцатичасовой смены.

Здесь не платят за сверхурочные, нет перерывов на обед, и просто так не уволишься, ведь по документам ты записан собственностью этого злачного заведения. Могло ли все стать еще хуже?

Спросите об этом у хозяина гарема, который меня только что купил. У него жуткие глаза, скверный характер, десять унижительных прозвищ для одной меня и столько же пугающих тайн в мрачном особняке. И пора решать, как выбираться из этой ловушки, пока они не меня не прикончили.

Содержание

1. Проснись, крошка	5
2. Гарем строгого режима	13
3. Сломанные игрушки	25
4. Ночь, полная одиночества	48
5. Скорбящее божество	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Анна Шеол

По рукам и ногам

© Шеол А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

1. Проснись, крошка

Так. Пиво с креветками девятому столику, бутылка виски двадцать седьмому, холодная рыба с овощами – первому. Главное, не забыть, а ещё важнее – не перепутать.

Сколько здесь работаю, всё равно боюсь.

Работая в утреннюю смену, важно смотреть не только по сторонам, но ещё и под ноги, потому что зазеваешься, и... Фу, пакость какая... Опять кто-то изрыгнул из себя остатки трапезы – перебрал со спиртным, чтоб его. Потом ещё убирать.

Одно из крупнейших в мире бордель-кафе с похабным в своей прямоте названием «Шоколад» не закрывалось никогда, и вот, уже с самого утра – я на работе.

Вся нехитрая суть подобных заведений заключалась в том, что посетителям помимо меню из «ночных бабочек» предлагали меню из еды, не такое богатое, правда, но для здешних посетителей сходило. Полноценное, ничем особенным не примечательное кафе располагалось в первом зале и представляло собой обширное полутёмное помещение с вытянутыми окнами под самым потолком, плетёные стулья, шесты для стриптиза и ничего настораживающего. Только крохотный тёмный коридор, в котором дыхание спирало от избытка тяжёлых запахов, вёл к самому сокровенному.

Бордель – вишенка, изюминка, клубничка, да как хотите –

представлял из себя заведение вычурное и местами отчаянно требующее ремонта: маленькие комнатки, бордовые обои, навлекающие на постоянных посетителей головную боль, подушки, видевшие то, о чём ты точно знать не хочешь, интимное освещение и вся подобная атрибутика. Я там почти не бывала. Работа моя заключалась в другом, и хватало её по горло. Впрочем, в этих стенах даже такая нехитрая фраза звучала пошло.

Расставив по местам заказы и прижав к груди засаленный поднос, я возвращалась на кухню с целью прикончить уже наконец сегодняшний скудный завтрак. Попутно получила ощутимый шлепок по заднице и даже зажмурилась невольно, стискивая края подноса, пытаюсь унять волну усталого отвращения. Посетители шалят. Велено не обращать внимания. Краем глазом я заметила несколько до неприятного знакомых лиц и с удвоенной скоростью поспешила убраться, когда на весь зал мощным голосом главного менеджера послышалось тягучее:

– Ро-о-оуз! Розмари-и!

– Да вашу ж мать, иду! – сквозь зубы процедила я, только сильнее впиваясь пальцами в потёртые ребрышки подноса. Ну этого мне ещё не хватало.

Главный менеджер – дамочка лет двадцати пяти, неизменно наряженная и приукрашенная, чтобы усладить взоры посетителей как полноценная часть заведения, почти что мебель. Для мебели командовала она вполне разумно и всегда

магическим образом была в курсе главных событий как замкнутой на себя вселенной «Шоколада», так и большого мира за его пределами.

– Бегом марш в приёмную хозяина, всем девчонкам велено туда явиться! – Она дала мне ощутимый подзатыльник, в отместку получила сочувствующий последней идиотке взгляд.

– Зои, а может, ты меня попутала с кем-то? С девчонками из борделя, например? У тебя совсем маразм?

– Нет, – отрезала она, словно чиркнув в воздухе ножницами, и тут же подтолкнула меня вперёд, – хозяин сказал: вообще всех, значит, всех. Идём, я суть дела по дороге объясню. Чейс крупно проигрался в казино вчера, назанимал денег, но это не помогло, – она говорила громким шёпотом, при ходьбе чуть наклоняя голову, будто информация была не для широкого доступа и за её распространение вполне могло прилететь. – Теперь господа, у которых он остался в долгу, придут выбирать себе... наложниц.

– На всю ночь?

– На всю жизнь, недотёпа! – фыркнув, начальница трагически развела руками, скорее сочувствуя моей глупости, нежели бедным невольницам. И в прежнем тоне продолжила: – Слышала, там будут наш мэр, Ланкмиллер и другие... выдающиеся личности.

– Ну, с мэром всё ясно. А второй ещё что за чёрт? – Я наморщила лоб, старательно вспоминая имя. Знакомое ведь.

– Кэри? Как же, новый хозяин судостроительной корпорации, которая досталась ему от несвоевременно почившего отца и с которой он уже года два как успешно управляет. Слышала, дела у него идут на лад. А ведь лет двадцать семь ему, не больше! Можно сказать, по сути, мелочь пузатая. Говорят, ему в наследство кроме компании от батеньки целый гарем перепал. И чего ему только здесь понадобилось при таком раскладе?

Я незаметно повела плечом, стяхивая появившийся после этих слов привкус отвращения. Что-то мне кажется, гарем от батеньки – это такое себе приобретение, если поглубже вдуматься в суть...

– Пришли уже! Причешись хоть, неряха! – меня ткнули под рёбра, больно, потому что локоть у старшего менеджера был острый.

Чтобы избежать второго такого тычка, я без особого энтузиазма заправила волосы за официантский ободок и одёрнула передник, следуя за начальницей в приёмную. Там уже и без нас было людно, выстроилась целая шеренга из всех подряд, от куртизанок поневоле до обслуживающего персонала. Зои протиснулась меж своих подружек, а я, вздохнув, встала в конце в обнимку с несчастным подносом, который теперь уж некуда было бросить. Чёрт, только время тратить на ерунду... Завтрак, наверное, окончательно остыл, а ещё полы от блевотины протирать. Вот же не вовремя они с этим мероприятием.

Дверь отворилась медленно и торжественно. В проёме тут же появился хозяин и с видом прожжённого тамады сделал пригласительный жест руками. Я мельком пересчитала гостей: восемь. Восемь вип-персон. Что ж, надеюсь, они не станут затягивать с выбором, иначе меня и вправду ждёт голодный обморок.

Господа в костюмах, продукты совершенно другого мира, начали бродить от девушки к девушке, хмыкая то задумчиво, то придиричливо. Я заметила мэра, ещё парочку знакомых лиц. Вон тот, обросший, с ощутимой лысиной – Эдвард Флетчер. Из собравшихся личностей он ближе всего был к нам по духу и настроению, в своё время сколотил неплохую наркоимперию, но теперь и сам был её заложником. Он и в наше кафе поставлял свой товар, от которого летали и падали, иногда не поднимаясь. Но что с него возьмёшь, всё на официальных условиях.

По позвоночнику вверх взлетел липкий морозный холод, потонув в лавине мысленных проклятий. Чёрт побери эту Зою, чем вливать мне в уши целый поток ненужной информации, лучше бы она предупредила меня не пялиться! На беду, как раз в тот момент Флетчер повернул голову и перехватил мой взгляд. Направился в левый конец шеренги, сокращая расстояние между нами и тем самым ввергая просто в первобытный ужас. Да что тебя так привлекло, мой рост метр с кепкой? Кожа, которая скоро просвечивать, на хрен, начнёт? Или, может быть, то, что обычные люди назы-

вают «волосы»? Их единственное преимущество, насыщенный чёрный цвет, зачастую придавал только большее сходство с вороньим гнездом.

Расстояние между нами тем временем сократилось до ничтожного, шагнуть ближе наркобарон бы не смог: угрожал впечатать меня в стенку своим животом. Я вытянулась:

– Что вам угодно, господин Флетчер?

– Малышка... Как насчёт провести вместе время весело и приятно?

Уже с первых его слов и манеры речи стало ясно, что он не совсем в себе. Может, ширнулся перед походом сюда или ещё что.

– Я разношу еду. То, что вам нужно, находится правее, – вытянула руку, чтобы указать направление, и очень зря, потому что он тут же за неё схватился. Чувствуя, как кровь отхлынула от лица, я дёрнула на себя запястье, но наркобарон потянул в обратном направлении, вынуждая против воли прижаться к нему. Я почувствовала, как от нервов затряслись колени.

– Кажется, вы, господин Флетчер, напугали её чуть ли не до потери пульса. Скоро пойдёт слух, что перед вами девчонки от страха в обморок падают. Ну и пятно на репутации. – Глубокий насмешливый голос словно вывел из оцепенения, я рванулась ещё раз, теперь удачно. Руку удалось высвободить.

Флетчер смерил меня и моего спасителя недовольным

взглядом, в котором было что-то крысиное, и всё с такой же перекошенной рожей отошёл в указанном направлении. А вот избавитель остался стоять. Я подняла лицо и встретила с ним глазами. Пронзило.

Он был выше меня ростом на полторы головы. И обладал неплохим, навскидку, телом. И очень неприятными глазами, они-то и смутили меня больше всего, заставив впериться в пол без возможности что-то ещё рассмотреть. И не надо. Мне стоит усвоить, что любопытство в таких историях лишнее.

– Ну и как зовут тебя, напомни? – почти равнодушно поинтересовался мужчина, оглядывая меня с головы до ног. Без особого интереса, к счастью. Интерес пропал ещё на уровне груди.

– Роуз. Розмари Майер.

Он сосредоточенно хмыкнул, будто прикидывая что-то у себя в голове.

– Официантка, значит? – ухмыльнулся многозначительно.

Как-то с намёком на ролевою прозвучало, мерзенько. Я глянула на него исподлобья. Вся благодарность за спасение стремительно улетучилась.

– Вроде того, – мрачнее не придумаешь.

– Скажи мне, моя маленькая официантка, – он почти губами приник к моему уху, – а ты девственница?

В первые секунды даже взяла оторопь.

– Вроде того, – снова повторила я на манер заевшей пла-

стинки, надеясь, что никто больше этой беседы не слышит.

– Прекрасно, – тот мгновенно отстранился и обернулся к хозяину кафе. – Чейс, я с выбором определился.

– Великолепно, – низкорослый, полный мужчина тут же засуетился вокруг нас, – отличный выбор, господин Ланкмиллер. Вот только она неопытная.

Это? Это Кэри Ланкмиллер, владелец судостроительной корпорации, тот, с гаремом?

– Тогда ещё более отличный выбор, – он ответил ехидной ухмылкой на слова владельца бордель-кафе, – даю два часа подготовить документы на эту прелесть. Потом я пришлю машину.

С этими словами он вышел.

А я осталась стоять, в оцепенении уставившись на дверь.

Подождите, давайте отмотаем назад. И я скажу что-нибудь другое, подверну ногу, чтобы не оказаться здесь, умру и самозакопаюсь на заднем дворе. Давайте отмотаем назад, пожалуйста. Потому что иначе выходит, что меня...

Меня только что купили в качестве игрушки для постельных утех.

2. Гарем строгого режима

Вообще-то, по документам, не только девочки из борделя, но и весь обслуживающий персонал, за редким исключением, являлся собственностью бордель-кафе. И я, точно так же, как и остальные, оказалась здесь не по доброй воле, а по велению случайности и давно уже должна была числиться в списках местных куртизанок, если бы не моя невинность. Хозяин решил придержать «ценный товар» для богатых клиентов, у которых фетиш на подобные дела, а пока таковые не объявились, назначил меня официанткой, чтоб не дармоедствовала. Потом все это забылось постепенно, и я так и осталась разносить еду.

Зарплаты нам не платили.

Чаевые отбирали, если не успеешь заныкать вовремя и спрятать неподозрительно. Кафе, правда, предоставляло работникам что-то вроде завтрака и ужина, но порции были нищенские, иногда и едой-то язык не поворачивался назвать. Так что ноги часто подкашивались прямо в разгар смены. Чейс был скрягой из скряг, и содержание целого штата невольников на подножном корму явно обходилось ему дешевле среднерыночных зарплат и социальной страховки.

После появления Феликса, правда, мои финансовые дела пошли несколько на лад. Нейгауз был личностью загадочной и таинственной. Он остановился в гостинице, два этажа ко-

торой занимало наше заведение с примыкающим к нему общежитием работников. Магнат от мира сладостей и кофеен был нашим частым посетителем, испробовал всех мальчиков больше от жажды приключений, чем от потребности. А по вечерам долго сидел за любимым столиком с одной из местных газет.

Мы с ним довольно быстро нашли общий язык и расстались хорошими друзьями, когда он уезжал. Я была несказанно благодарна ему за оказанную услугу. Благодаря новоприобретённому навыку я завязала с голодными обмороками, даже начала серьёзно откладывать на побег, правда и этот сомнительный жизненный успех обходился совсем не дешёвой ценой. Да и побег теперь плакал горькими слезами, судя по всему.

На кухне стоял шум, звенели тарелки, и в большом, покрытым слоем жира котле опять готовилось какое-то вряд ли съедобное варево для местного персонала. Я сидела на табуретке в углу, безучастно уставившись на запачканный пол. В дверях появилась Зои:

– Ты чего сидишь вся убитая горем? Не представляешь, как тебе повезло!

– И как же мне повезло? – я, вздохнув, угрюмо уставилась на неё. – «Здрасьте, я ваша новая подстилка», – выразительно взмахнула руками, изображая предстоящий эпизод знакомства с Ланкмиллером. Более... глубокого.

– Всё лучше, чем тут в борделе, – резонно заметила на-

чальница. – Гарем и наше заведение – это как небо и земля. Наложниц всё ж не заставляют работать, только сидишь себе, следишь, чтоб кожа мягкая и гладкая была. Ну, и... сама понимаешь.

Её тракторка была вольной и, пожалуй, слишком простой. Но поспорить с ней было трудно.

Зои исчезла минут на десять, потом вернулась с чёрным кейсом и объявила, что бумаги на меня готовы, так что лучше бы нам поторопиться, потому что водитель уже ждёт. Я поднялась с табуретки и, как кукла, отправилась вслед за ней на деревянных, совершенно негнущихся ногах, как будто чужих.

На заднем дворе действительно уже стояла машина. Огромный чёрный джип.

Начальница перебросилась парой вежливых выражений с водителем и с натянутой улыбкой передала ему документы. Тот отворил заднюю дверь, многозначительно глядя на меня. Перед тем как опуститься на сиденье, я украдкой оглянулась назад, на вывеску «Шоколада», при свете дня притушившую свои многочисленные огни. Не было ничего сентиментального в том, чтобы прощаться с такой работой. Но сколько бы Чейс меня ни гонял, сколько бы смен подряд ни ставил, моё тело всегда оставалось у меня, только я была вправе распоряжаться им, хоть и не всегда делала это мудро. Но лишиться и этого означало потерять всё, что у меня осталось. Это осознание душило, жалило, и ужиться с ним было трудно.

Дверь за водителем захлопнулась, глухо заурчал мотор. Машина дернулась, толкая свою тяжёлую тушу вперёд по брусчатой мостовой, и в стекло почти сразу забарабанил мелкий противный дождь.

Больше на бордель-кафе я не оглядывалась.

Ехали мы довольно долго. Стоило ожидать, что резиденция Ланкмиллеров находилась, скорее, вдали от пивнушек, публичных домов и прочих зланных местечек Шея. Автомобиль плавно затормозил у внушительной высоты ворот в верхнем городе, обители благополучных. Водитель приоткрыл заднюю дверцу, помогая выбраться. Мы прошли через огромный, поразительной красоты сад, который тотчас забирал сердце и душу у того, кто в жизни ничего красивее покоцанной тарелки не видел. Снаружи имение было просто огромным, так что напоминало скорее дворец, чем загородный дом. Четыре этажа и широкие, скруглённые кверху окна по краям дома с витражами на месте стёкол. Та дверь, через которую меня провели внутрь, наверняка была чем-то вроде чёрного хода, слишком уж маленькая и неприметная для такого особняка, помогала избежать излишества церемоний.

Я не успела толком ни вздохнуть, ни осмотреться, ни поздороваться, как меня с порога водворили в светлый, чем-то химически резко пахнущий кабинет с кучей перегородок. Без всяких прелюдий меня окунули с головой в то, что здесь называлось «полное медицинское обследование». На мой скромный взгляд, оно было даже слишком... полное. Я

ощущала себя несчастной землянкой, которую на свой корабль утащили пришельцы и ставят чуть ли не вверх ногами, только чтобы побольше узнать о моём здоровье. Открой рот, скажи «а», нагнись, повернись, потянись, ложись, дыши ровно, не дыши вообще, расслабься, теперь напрягись. Какие-то проводки, пищание аппаратов, молоточек, которым мне знатно вдарили по коленкам. Даже вену на руке отыскали и, невзирая на мою анемичность, набрали, по ощущениям, целый литр крови.

В конце концов этот кордебалет завершился, мне, совершенно изможденной, выдали местную одежду взамен официантской формы: дефолтное серое платье, не примечательное ничем, кроме на удивление приятной ткани.

Врач, все это время командуя обследованием и что-то черкавший в своём блокноте, вызвался препроводить меня до кабинета господина. И это даже уже не казалось такой уж плохой затеей после всего пережитого. Ковёр в коридоре скрадывал каждый шаг, и от этого становилось немного не по себе. Стены с неяркими уютными светильниками и красивыми обоями, украшенными чем-то напоминающим народный орнамент. Строго и без излишеств вроде картин и трогательных фотографий в рамочках. Дверей оказалось огромное количество, видимо, в этот момент мы миновали как раз тот самый гарем. От всего этого – много комнат, мало чего-то... личного – поместье гораздо больше казалось похожим на отель, а не на чей-то дом. В коридоре тянуло

чем-то тяжёлым и сладким, напоминающим восточные благовония. Может, это они и были, но меня как-то не тянуло спросить. Наконец мы остановились у самой светлой двери, выделявшейся среди остальных. Доктор приглушённо кашлянул и постучался.

– Войдите, – послышался уже знакомый, пробивающий до дрожи голос.

Мужчина приоткрыл дверь, пропуская меня вперёд, и вошёл следом. Хозяин кабинета поднял взгляд от монитора и воззрился на нас в ожидании доклада.

– Господин Ланкмиллер, мы с ней закончили, – отрапортовал доктор, – в общем-то нареканий нет, она в целом истощена, но здорова, однако есть один небольшой... момент. Анализы показали, что девушка бесплодна.

Я повела плечом, косясь на доктора. Это означает невозможность иметь детей? Что ж, в моём положении остаётся разве что счастье за плюс. Ланкмиллер отреагировал на удивление спокойно, ни досады, ни изумления не отразилось на его лице, и выражение на нём осталось прежним.

– Можете быть свободны, – сухо бросил он доктору.

Тот вышел, а я осталась, тоже на всякий случай попятившись назад.

– Подойди, – велел Кэри, поднимаясь из-за стола.

Я приблизилась осторожно, стараясь ни о чём не задумываться. На казнь лучше идти с пустой головой. Ланкмиллер окинул меня заинтересованным взглядом. В глазах что-то

горело, плескалось, выглядело совсем не так безжизненно, как в первую нашу встречу. Вот уж не радость-то.

– Я подробно посвящу тебя во все тонкости твоего теперешнего положения, но сначала предлагаю разобраться с твоей девственностью.

– Неужели она так сильно тебя напрягает? – пробормотала я, глядя куда-то сквозь. Сквозь монитор, сквозь стену, сквозь его широкую грудь.

– Не то чтобы напрягает, однако же у меня на неё большие планы, – шаг ко мне. – Так я одновременно проверю, не солгала ли ты. Обозначу тебя как свою собственность. И оставлю позади не такую уж долгую, но неприятную для тебя процедуру.

Посмотри-ка, всё продумал. Я меланхолично пожала плечами.

– Хорошо, пусть так.

– Вырваться не будешь? – он удивлённо вскинул брови. – Как от Флетчера там, в приёмной.

– Чтобы ты мне руку случайно сломал, пытаюсь утихомирить? Ха-ха, нет, спасибо.

Едва я это сказала, Кэри прижал меня лицом к столу, платье задралось, и я мгновенно залилась краской, мысленно примерив на Ланкмиллера пару крепких проклятий. Знал бы он, как мне пакостно от всей этой ситуации, как я просто хочу исчезнуть отсюда, не донимал бы идиотскими вопросами.

– Слушай, – кончики пальцев легонько скользнули по внутренней стороне бедра, я напряглась ещё больше, – а ты когда-нибудь прибежала к самоудовлетворению?

– Ну... – Во мне сейчас кровь свернётся от омерзения.

– Это значит «да»? – спокойно, с нотками веселого злорадства, поинтересовался Кэри. Пальцы продолжали исследовать кожу, неотвратимо поднимаясь всё выше. Дерево стола холодило щеку. – Что, по-простому, без всяких изощрений?

Кэри неожиданно потёр клитор, и я, охнув, закусил губу. Отвращение поддело нервную систему острым ножом, спускаясь покалыванием по внешней стороне ладони. Даже такие ласки не приносят удовольствия, когда получаешь их в столь... затруднительном положении. Ланкмиллера это не слишком-то беспокоило, судя по звуку расстёгивающейся ширинки.

– Ноги пошире раздвинь, – скомандовал он весьма холодно, и я выполнила приказание, отчётливо понимая, что за этим последует. Постаралась расслабиться. Если зажиматься, будет только больнее – это первое, что учишь в борделе, даже если не являешься его частью. Я сосредоточенно наблюдала за тем, как потеет от моего дыхания гладкая поверхность стола, когда почувствовала, что его член, горячий и твердый, входит в меня сначала медленно, а потом резким рывком. Взвыла, выгнувшись и закусив губу, но Ланкмиллер поймал меня за волосы и снова прижал лицом к столу. Даже

в глазах потемнело. Ну спасибо тебе, родной.

– А поосторожнее никак нельзя было? – выдавила я сквозь неожиданно выступившие слёзы, царапая деревянную поверхность. Больше всего хотелось прервать эту пытку нефритовым жезлом, но на такое развитие событий Ланкмиллер явно не был настроен.

– Ну-ну, – он отомстил за непрошенную реплику очередным резким толчком.

На этот раз я вместо обветренной губы закусила указательный палец и зажмурилась, позаботившись о том, чтобы из горла не вырвалось больше ни звука. Резкая боль постепенно сошла на нет, оставшись только отголосками, пронизывавшими с каждым движением. Язык почти поворачивался назвать это терпимым, только вот один козёл обещал мне быструю процедуру, а в результате пытка казалась чуть ли не вечной.

Наконец он кончил и отстранился. Послышался звук застегивавшейся молнии, и только после этого я, болезненно морщась и придерживаясь левой рукой за поясницу, распрямилась с ощущением, что ноги как-то хреново меня держат. Вдоль позвоночника прокатывалась неприятная дрожь, перерождавшаяся в слабую тошноту. Ощущение, когда по внутренней стороне бедра стекает что-то тёплое, по праву можно списать в разряд самых отвратительных. Считай, меня только что изнасиловали.

– Хорошая девочка, – по шее вверх к подбородку скольз-

нули пальцы, Ланкмиллер склонился к моему уху, обдавая дыханием кожу, – такая маленькая и послушная... Даю десять минут привести себя в порядок, дверь там, – внезапно будничным тоном заявил Кэри, отстраняясь.

Я обернулась в указанном направлении. Ванная? Что ж, спасибо за великодушие. Я коротко кивнула и поплелась в указанном направлении. Вслед донеслось ехидное:

– Прихрамывать необязательно!

– Да пошёл ты, – мрачно себе под нос парировала я.

Ванная оказалась огромная, светлая и чистая. Не припомню, чтобы бывала в такой хоть раз и видела что-то кроме того ржавого корыта из общаги, к которому и притрагиваться-то никто не рисковал. Десять минут? Этого хватит только на то, чтоб кровь и сперму смыть, на то, чтобы избавиться от пакости на душе, понадобится гораздо больше времени, если вообще...

– Предлагаю сесть и внимательно выслушать, – он заговорил, едва я только выглянула из ванной комнаты. Жестом указал на стул. – Не перебивая. Я терпеть не могу, когда меня перебивают.

Ценное замечание. Учту.

– Бумаги на тебя теперь лежат на моём столе. Знаешь, что это означает? – он вздёрнул брови, а я угрюмо кивнула, наградив его ненавистным взглядом. – Здесь уже не бордель-кафе, и правила совершенно другие. Рекомендую ис-

полнять их неукоснительно, если хочешь избежать... м-м, проблем. Первое, что касается тебя лично: обращение на «ты» в мой адрес недопустимо. По имени звать тоже не принято, оно не для наложниц. Хочешь обратиться, называй «ХОЗЯИН».

Я больно прикусила язык, потому что это слово даже в его исполнении больно ударило по ушам, заставив дёрнуться, словно от пощёчины.

– Второе. Как там тебя звали? А впрочем, неважно. Будешь Кику.

В тот момент, когда я подумала, что у меня уже нечего отбирать, он делает со мной это. Я задохнулась, понимая, что не выдерживаю второго удара. Обезьянье тошнотворное имя, да будь проклят этот Ланкмиллер.

– Остальное я ещё могу понять, ни для кого не секрет, что у вас принято вести себя как скоты. Но это... До такой омерзительной клички ещё додуматься надо! Ты...

Меня заткнули хлёсткой пощёчиной. А хозяин гарема не привык церемониться со своими цветочками, надо же. Не то чтобы побои были для меня чем-то новым, но щёку обожгло таким пламенем, что я какое-то время просто дышала тяжело и часто, собирая все мысли заново по уголкам сознания. Ланкмиллер тем временем позвонил в колокольчик, и в комнату вошёл мужчина в форме здешнего охранника.

– Здесь не любят новеньких, зайчик, – Кэри обратился ко мне, отдавая потоком пугающей приторности. Имел в виду

он, очевидно, не только наложниц, но и вообще всех, за исключением, наверное, только его самого. И то с какой стороны взглянуть. – Так что, будь добра, не нарывайся на конфликты. И соблюдай дисциплину. Ох, ладно, – «господин» устало махнул рукой, видно, решив, что я сейчас не в состоянии впитывать его увещевания или делать вообще хоть что-нибудь, кроме как злобно дышать. – Поселите её в комнату к Николь. Увести.

О-о-о, гарем строгого режима, вот, значит, как.

Я встала и побрела к выходу вслед за охранником, не дожидаясь дополнительных пощёчин и подзатыльников. И без этих «доходчивых доводов» я не хотела находиться здесь ни секунды.

3. Сломанные игрушки

Комната Николь, теперь и моя, располагалась в самом конце коридора и была в гареме крайняя. Она оказалась небольшой, но вполне уютной, с двумя мягкими кроватями-однушками и тусклыми ночниками, кои создавали приглушённый рассеянный свет, читать при котором было невозможно. Читать, впрочем, особо и нечего. Это в моём новом обиталище расстраивало больше прочего. Странное дело, разве поддержать разговор на уровне – не долг хорошей наложницы? Хотя грех бухтеть на самом деле. Куда лучше, чем в общаге бордель-кафе.

Моя соседка по комнате была спокойная, тихая и в целом вежливая девушка, даже самую малость застенчивая. Она говорила негромко, но живо, ни разу за вечер не повысив тона.

Сразу спросила, как меня зовут, а когда выяснила детали моей непростой истории, то посоветовала представляться так, как велел Ланкмиллер. Иначе, если он прознает, заработаю неплохой шанс ознакомиться со здешней системой телесных наказаний. А они практиковались не в виде такой уж редкости и, наверное, должны были уже давно превратить наложниц в конченных психопаток с манией преследования и крайне дурным характером. Однако с Николь этого не случилось. Соседка по комнате казалась мне очень милой, даже мужественно приняла участие в мытье моей головы шампу-

нем: он выедал глаза как ритуальный яд и вонял чесноком, так что любому понадобилась бы стойкость, чтобы мне ассистировать. И даже после этого изматывающего мероприятия она всё ещё осталась рядом и помогла мне расчесаться, когда после сушки я окончательно потеряла контроль над своими патлами.

– Слушай, – уже после того, как завершилась серия моих мучений с феном, я перебралась к Николь на кровать, заворачиваясь серым пушистым пледом, сильно походившим на шаль. – А что это случилось такое с отцом Кэри? Он разве не должен был быть мужчиной в самом рассвете сил?

– Никто точно не знает, – её волосы, густые, тёмно-каштановые, в свете ночника отливали бронзой. Я всё никак не могла заставить себя на них не пялиться. Глаза немного раскосые, а кожа светлая, без единого изъяна, что приводило меня в особый неистовый восторг. – Был слух, что хозяин скончался от какой-то болезни. Он и правда последние дни перед смертью был какой-то сам не свой, весь серый и синяки под глазами. Кто-то считает, что постарались конкуренты, но это всё лишь домыслы. Наложниц он в такое не посвящал. – Николь слабо усмехнулась. – Тем не менее юный господин усилил охрану после смерти отца, так что всякое может быть.

Я слушала внимательно, стараясь не пропустить ни слова. Ведь выпал неплохой шанс узнать об этом месте немного больше, чем ничего. Может, если бы уделяла хоть чуточку

внимания сплетням о высшем свете в бордель-кафе, дела с моей осведомлённостью не обстояли бы так плачевно. Ну, кто же знал.

– И что, он единственный ребёнок в семье – такую империю прибрать к рукам? – поинтересовалась я как бы невзначай. Было бы странно – при таком внушительном количестве девушек и очевидном пристрастии к сексу у Ланкмиллера-старшего.

– Нет, но единственный наследник, – Николь пожала плечами. – Двое мальчиков умерли ещё во младенчестве. У юного господина есть сестра. Но она здесь не живёт, хотя иногда заглядывает. Я здесь появилась, когда Кэри было только тринадцать, мы с ним ровесники, – она пояснила, будто угадав мои мысли.

– Ого, это... Довольно рано.

– Так сложилось, – наложница пожала плечами, и мне на секунду показалось, что в красивых тёмных глазах сверкнула грусть.

– И что, здесь всем подряд раздают дурацкие клички? – тему я сменила как нельзя более резко и неестественно, ощутив, что предыдущая имеет неплохой шанс ввергнуть нас в депрессию всего за несколько минут.

– Это в основном зависит от личных предпочтений. – Мне показалось, Николь сдерживает беззлобный снисходительный смешок. – Если уж господину так угодно...

Потом нам принесли ужин. Надо ли говорить, что это ста-

ло какой-никакой причиной для радости, учитывая, что завтрак я пропустила, а обед был вообще не запланирован как таковой. Так что ложиться спать довелось в кои-то веки с тяжёлым желудком и уже привычно тяжёлым сердцем.

– Проснитесь... пожалуйста, проснитесь, – меня тихонько трясла за плечо женщина в сильно накрахмаленном переднике, видимо, здешняя горничная или вроде того.

В комнате было уже почти совсем светло, солнечные лучи из большого и единственного окна, пробираясь сквозь персиковый тюль, чертили по полу неровные продолговатые дорожки света. Николь ещё дремала, обняв подушку.

– Который час? – шёпотом поинтересовалась я, старательно протирая глаза.

– Восемь часов только. Но вы вставайте, так господин велел.

– Только?! – я едва не поперхнулась от неожиданности. Вот это да. Обычно в пять утра – самое позднее – я была уже на ногах перед кучей работы: протереть столы, пол, окна, посуду, приготовить кофе, пока посетителей ещё мало.

Однако собрать мысли в кучу вот так сразу всё равно оказалось непросто, я села в постели, протирая глаза и ошупывая себя на предмет сама не знаю чего. Освоиться с новой непривычной реальностью оказалось не так легко, но служанка продолжала упорно теребить моё плечо, приговаривая, что Ланкмиллер приказал немедленно быть у него. И

что ему только понадобилось с самого утра? Впрочем, лучше бы я не спрашивала, потому что предположения рисовались не самые радужные, и я поплелась за служанкой по коридору босая, встрёпанная и в смешанных чувствах. Она даже умыться мне не позволила. То ли хозяин гарема действительно так торопил события, то ли она просто до смерти его боялась. Хотя и то, и другое сложно было назвать поводом для радости.

Сам Кэри встретил меня уже в костюме и при параде. Я хмыкнула себе под нос. Если жизнь чему меня и научила, так это тому, что ничего хорошего не стоит ожидать от жаворонков. Они весь мир подстроили под себя и, кажется, не планируют на этом останавливаться.

Ланкмиллер отослал служанку и обратился ко мне:

– Одевайся, поедем.

– Куда?

– В город.

Краткость его реплик всё больше навевала атмосферу тюрьмы, напоминавшей гарем только внешне, за счёт умело выстроенных декораций.

Я начинала скучать по цветистым ругательствам, в стенах «Шоколада» бывших обычным делом. Они неплохо развлекали даже тогда, когда прилетали в твой адрес и сопровождались не менее убедительными угрозами. Теперь от того, что с тобой разговаривают командами, как с собакой, становилось муторно и тоскливо, и я поёжилась, обнимая себя руками.

– Умыться хоть можно? – осведомилась без особого энтузиазма.

Ланкмиллер только махнул рукой в сторону ванной, и я, расценив это за разрешение, поплелась туда. Чувство фантомности происходящего настигло сразу, как только я переступила порог. И ведь была здесь буквально вчера, но при таких обстоятельствах, в которых тебе особо не до изысков интерьера и прочих радостей. Теперь же я застыла в дверях, не уверенная, что это всё не картинка из журнала, что всё не рассыпется, едва я только сделаю шаг вглубь. Чудесная аквамариновая мозаика от пола до потолка: по мелким бирюзовым квадратикам приятно было ступать ногами. Тёплые и немного шершавые, они будто вытягивали из тела всё напряжение. Правее от входа в углублении располагалось джакузи, хотя размер и глубина вполне позволяли окрестить его и бассейном. В душевую кабину, судя по количеству кнопок, был встроен как минимум суперкомпьютер, поэтому приближаться к ней я даже не рискнула. Наверное, купаться тут каждый день – одно из величайших удовольствий.

У двери я заметила вешалку с одеждой, судя по всему, предназначавшейся мне. Это было что-то на манер восточного платья, принятого в настоящих шайларрских гаремах, вот только носить на себе столько килограммов шёлка, пусть и самого дорогого, было тем ещё испытанием, поэтому я возблагодарила судьбу, что это всего лишь вариация на тему, которая вполне могла бы сойти за обычное платье с запахом,

особенно если вымарать характерный орнамент из цветов и птиц. Кроме того, в эту одежду, к счастью, можно было облачиться вполне самостоятельно. Я кое-как привела себя в порядок и выскользнула обратно в кабинет, тут же наткнувшись, как на пику, на недовольный взгляд хозяина особняка.

– Расчёсываться не пробовала? – с ядовитой сладостью осведомился он. – Слышал, нормальные люди так делают.

Я бы даже мысленно обозвала его душницей, если бы не изысканная издёвка в голосе. По моему опыту, такие тренируются годами и, как любое искусство, требуют особого склада характера.

– Меня подняли как по тревоге, – пробубнила себе под нос мрачные оправдания. – И служанка эта ваша орала как потерпевшая.

Ланкмиллер надавил на плечи, чем вызывал целую волну паники, я завертела головой, пытаюсь оглянуться на него, хотя бы по выражению лица прикинуть, что меня ждёт.

– Сядь, не вертись, – тотчас приказали мне, и я опустилась на стул, потому что от звуков его голоса перестали держать колени.

Тёмный и гладкий гребень мелькнул в его руке, а потом я ощутила, как он коснулся волос. Жёсткие и посечённые, трогать их было неприятно даже мне, расчесать иной раз – и вовсе невозможно, хотя у Кэри это выходило на удивление легко, как у древнего заклинателя. Я-то уже приготовилась к боли. На каждом новом прикосновении всё равно непро-

извольню задерживала дыхание и впивалась ногтями в стул. Почему-то близость Ланкмиллера очень меня нервировала, буквально до зуда в затылке, и это рождало вполне рациональный страх, что в какой-то момент я не выдержу и отскочу от его пальцев, чем навлеку на себя господский гнев. Так что, когда процедура закончилась, у меня вырвался невольный облегчённый вздох, почему-то вдруг развеселивший моего мучителя.

Спускаясь за ним по лестнице мимо охранников в форме, я уставилась невидящим взглядом в пол, отчего-то чувствуя себя неловко. Может, от внимательных, потрошащих и выворачивающих наизнанку взглядов. Они знают, что я у него была.

Какого дьявола меня вообще это беспокоит? Главное развлечение в гареме – сплетни, да и что с того?

Мы спустились на подземную парковку, и Ланкмиллер, вопреки моим ожиданиям, направился не к уже знакомому чёрному джипу, а к выпендрёжному спорткару, такого красного цвета, который стоит перед глазами, когда тебя бьют по почкам.

– Сами водить изволите? Да ну?

– И что же тебя удивляет? – домашний тиран чуть изумлённо изогнул бровь, открывая передо мной дверь. Всё в его тоне и выражении давало понять, что мой издевательский официоз не уместен, и если я надеялась, что эта попытка поддеть ланкмиллерское самолюбие невинна, то эти надеж-

ды могут дороговато мне обойтись.

Я тотчас заткнулась, подумав, что здоровой идеей было бы отказаться от неумелых попыток вступить в разговор.

– Пристегнись, – небрежно бросили мне.

Но есть много вещей, которые я не в силах сделать нормально. Особенно если они со мной в первый раз. Я мгновенно по самые уши запуталась в ремне, который и так-то еле обнаружился. Ланкмиллеру пришлось меня выпутывать и пристёгивать собственноручно. Но мне показалось, что взгляд его потеплел.

Вслед за нами с парковки выехала ещё одна машина, я предположила, что это как раз та самая усиленная охрана, потому что следовала она за спортсменом неотступно. Кэри привез меня в какую-то совсем незнакомую раньше часть города. И мне пришлось признать, что Шель, который я всю жизнь считала премерзким местом, на самом деле красивый, просто... Просто я так ни разу и не поднималась в верхнюю его часть. Брусчатые мостовые и старинные дома, плотно жмущиеся друг к другу. Здесь было уютно и очень оживлённо уже с самого утра. На первых этажах располагались всевозможные лавки и магазины то одежды, то сладостей, то сувениров, то вообще чего-то непонятного, но выглядящего до странности привлекательно. Старый продавец сидел на веранде с котом на коленях, закусив длинную тонкую трубку, от которой в воздух поднимался аромат ментола и жжёного табака. Потом эта живописная картина сменялась какой-ни-

будь кофейней или забегаловкой с местными пирожками.

Кэри оставил машину на парковке и объявил, что дальше мы пешком. Я была очень даже не против пройтись, только рядом с ним всё равно почему-то чувствовала себя неловко. Крамольная мысль скользнула приятным холодком по коже и тут же пробралась в сознание, не встретив даже намёка на сопротивление. Может, сбежать от него вот так? Толпа же. Затеряюсь, и не найдёшь.

– О-о, правда не стоит, Кику, милая, – ухмыльнулся Ланкмиллер, выговаривая каждое слово с такой угрожающе-сладкой интонацией, что у меня буквально останавливалось сердце. – Одна попытка, и я сам, лично выбью из тебя всю дурь и в следующий раз выведу на люди с ошейником. Это бесперспективная затея, сама подумай. Тебя найдут в любой точке земли, вытащат даже из Ада и бросят к моим ногам. И тогда ты пожалеешь... не о своём поступке, нет. О том, что ты вообще появилась на этот свет.

Доходчиво. Я тяжело сглотнула, продолжая пялиться на Ланкмиллера, хотя на самом деле мне очень хотелось закрыть глаза. Закрыть глаза и представить, что его здесь нет. Но это не сильно бы помогло, потому что пугающе глубокий голос всё равно достигал бы меня.

– Ну идём, что встала посреди дороги, – он снова внезапно переключился из леденящего душу обратно на будничные тон, и я поплелась за ним.

Этот уродский чёрт прав, как бы неприятно ни было при-

знавать. Куда мне податься, даже если сбегу? Здесь всюду что ни полиция, то представители «Змеиного зуба». Ни один человек в здравом уме не согласится помочь.

Меня затащили в магазин одежды, в котором мгновенно началась куролесь, даже похуже той, которую довелось пережить на медосмотре. Ланкмиллера сразу окружило дикое количество консультантов, напоминавших хищных бабочек, предложив на выбор с десятков разных вариантов. После чего меня чуть ли не затолкали в примерочную с большим зеркалом и заставили по очереди надеть всё то, что он выбирал. Такого внимания к себе я не получала никогда и была, мягко сказать, напрочь обескуражена. Чувствовала себя новенькой куклой, которой как будто стремились примерить вообще всё, что есть в наличии. В груди аж защемило от близости этой параллели к реальности. Консультанты крутились вокруг, помогая то с молнией, то с рукавами, то пуговицу застегнуть, и я меланхолично подставлялась их стараниям, как живой труп.

В итоге наряды были подобраны и унесены упаковываться на кассу. Меня наконец-то оставили одну в примерочной, позволив облачиться в свою одежду. То ли кто-то из уходящих последним не постарался прикрыть дверь как следует, то ли это с дверью было что-то не так, но она приоткрылась. Я не заметила по общей невнимательности, и очень зря.

Услышала, как Кэри по ту сторону раздевалки вздохнул и тут же, дёрнув на себя блестящую ручку, оказался по эту.

– И как это называется? – недовольный голос в очередной раз за сегодня буквально пригвоздил к месту, а пальцы скользнули по спине, указывая.

– Ай, – я поморщилась, отодвинуться здесь было особо некуда. – Это, господин Ланкмиллер, называется «синяки». Хозяин бордель-кафе недавно отлупил: угораздило разгротать дорогуший сервис для вип-гостей, вот и...

– «Нареканий нет...» – фыркнул Кэри, передразнивая слова врача, и вышел из примерочной.

А я осталась пялиться на лиловые разводы, которые ползли по коже, перекрывая своим насыщенным цветом тусклые нити вен.

Пока мы торчали в этом дьявольском магазине, от утренней почти романтической дымки не осталось и следа, было невыносимо жарко и душно, спёртый горячий воздух не находил выхода и, поднимаясь потоками липкого зноя от мостовой, мариновался меж каменных стен, как в котле. Гулять по городу, несмотря на его красоту, сразу как-то расхотелось. Сказав, что у него намечена важная встреча и он вернётся позже, Ланкмиллер буквально втохал меня одному из своих охранников вместе со списком поручений, даже заглянуть в который после пережитого было страшно.

Следующей остановкой стал салон красоты. Бедный охранник и сам не знал, как подступиться к здешним мастерам. Он неловко сунул на стойке ланкмиллерскую то ли визитку, то ли кредитку, и с этого момента всё снова заверте-

лось, как в адской карусели. Я и опомниться не успела, как оказалась в кресле напротив зеркала.

– Работать много придётся, – присвистнул парикмахер, накрывая каким-то большим то ли одеялом, то ли... Держу пари, к ним нечасто попадает кто-то вроде меня. Но надо отдать мастеру должное, он продолжительно и мужественно колдовал с моими облезлыми прядями, применив, кажется, весь арсенал знаний и инструментов, лишь бы только сотворить что-нибудь путное.

Когда напряжённое мероприятие кончилось, я с минуту бестолково тарасилась в огромное зеркало под победно-одобрительную ухмылку парикмахера, упорно не узнавая себя. Ему бы того, кто оценит эти старания по достоинству, а то даже как-то неловко стало.

За этим последовали другие процедурные экзекуции, с моими руками на этот раз. Бесконечные ванночки с целебными травами, пахучие кремы и бальзамы... Все это было настолько муторно, что хотелось повеситься. Я сидела на стуле как на иголках, про себя вознося молитвы мирозданию, чтобы следующей не стала эпиляция зоны бикини, потому что такого я точно не выдержу и сорвусь. К непередаваемому облегчению, как раз в тот момент деловая встреча Ланкмиллера подошла к концу, и он встретил нас на улице, прервав череду бесконечных неловких попыток.

– Чего бледная такая? – осведомился Кэри, оглядывая с ног до головы, чтобы по всем фронтам оценить результат ста-

рания здешних гуру.

– Ничего, – хмуро буркнула я, прикидывая, сколько ещё ламинирований и обёртываний я упустила, и не веря своему счастью.

– Не беспокойся, осталось недолго. – Мне показалось, что в голосе Ланкмиллера просквозило плохо скрываемое ехидство.

Он взял меня за руку, чтобы не потерять в толпе, и я вздрогнула, едва не выдрав свою ладонь обратно по инерции. У него была широкая и тёплая рука. Я почему-то представляла её... твёрже и тяжелее после вчерашней пощёчины. И от этого контраста меня обуяла какая-то растерянность. Вдруг представилось, что он в постели с девушками творит этими руками, и жаром тут же облепило щеки. О чём я думаю? Клянусь здоровьем своего рассудка, я не хотела этого представлять.

То место, куда меня притащил Ланкмиллер, было очень под стать подобным мыслям.

– Э-э, секс-шоп?

Я слишком поздно это поняла, ошалело уставившись на грудастый манекен в витрине, обряженный в обтягивающую монашескую робу и чулки сеточкой. На улице, где стоял «Шоколад», подобных заведений было бесчисленное количество, и с тех пор я чётко усвоила: страсть к пошловатому юморку в оформлении витрин была свойственна всем владельцам подобных магазинчиков. Всем. Этот салон, хоть и

находился вдалеке от знакомых мне, не особенно отставал. Я невесело поморщилась, перешагивая вслед за Ланкмиллером порог. Здрав, царство фаллоимитаторов.

У входа стоял ещё один манекен – чуть сутулый дядька с козлиной бородой, суровым лицом и весь опутанный кожаными ремешками. Я с трудом подавила смешок. Бедный, кажется, он не слишком счастлив. Как и я, дружок, как и я. Ошейники, наручники, плётки и анальные пробки. Ассортимент можно было смело назвать пугающе широким. Хотя вон та, к которой хвост приделан, даже мило смотрится. Чёрт, что я несу, это всё от усталости...

– Смотри, – Кэри положил руку мне на плечо, указывая на витрину, – ошейник и наручники выберешь себе сама. Насчет остального можешь не беспокоиться.

Ошейник?!

Насчет остального?!

По позвоночнику прокатилась шипучая дрожь, угаснув только на затылке, о который словно затушили горящую спичку. Надо признать, у Ланкмиллера есть вкус в пытках: заставить меня самой выбирать орудия собственной экзекуции. Хренов бэдээсэмщик. Я наугад, обильно краснея и покрываясь испариной, ткнула куда-то в витрину и отвернулась. В спину донёсся снисходительный смешок.

– Ты очаровательна в своём смущении, – с мечтательным злорадством заметил Кэри уже на выходе.

Жаль, что моя очаровательность меня не спасла и покупки

он всё же оформил.

Сам Ланкмиллер, казалось, искренне наслаждался и всем процессом, и моей реакцией. Я украдкой поглядывала на него всю дорогу, пока мы шли до машины, и тут же переводила взгляд себе под ноги.

– Плохо чувствуешь себя? – прежде чем сесть в машину, осведомился Кэри, разглядывая меня с преувеличенной внимательностью, от которой так и подмывало напомнить, что существующих во мне дырок ему вполне хватит и новые прожигать не нужно.

Видно, я и правда была вся серая после сегодняшних процедур, к тому же голод давал о себе знать чуть ли не с самого подъёма.

– Нет, – я стиснула зубы, – всё в порядке.

– Ты никак обижаешься на меня? – он сощурился.

– Помилуйте, что вы. За что на вас обижаться? Вы всего-то изнасиловали меня малость, дали дурацкую кличку вместо имени и ударили разок. Такая ерунда, правда? – Голос дрогнул, и это как-то плохо на меня подействовало, будто сорвало внутренние предохранители. – В конце концов, если бумаги на меня нашли пристанище на твоём столе, это ещё не значит, что я вдруг резко стала безвольной куклой!

Тотчас опомнилась, но поздно, он уже занёс ладонь для очередной пощёчины. Сердце ёкнуло, и я зажмурилась в ожидании удара. Однако щека не вспыхнула. К ней так ничего и не прикоснулось. Но с моей стороны неразумно было

предполагать, что я избежала кары.

– Ты, может быть, хочешь вернуться под крышу к Чейсу? – голос разлился по венам парализующим сладким ядом. – Только скажи, и мы всё устроим. Правда, стоит ли говорить, что на место официантки тебе после этого рассчитывать не стоит?

Я уставилась прямо перед собой невидящим взглядом, тихонько покачиваясь с носка на пятку. Возникло ощущение, будто волосы на затылке встали дыбом.

Новое моё положение было безусловно гадким, но насчёт Чейса и его заведения я не питала иллюзий. За время, проведённое с Кэри, в борделе Тейлора я бы уже успела сойти с ума без всяких шуток и преувеличений. Чтобы работать там, нужна на редкость стойкая психика. Потому многие полагали, что я вытянула счастливый билет. Есть места, где с невольниками обращаются куда хуже. Где вместо уютной комнаты на двоих ты получаешь дай бог подстилку в сыром углу, а вместо парикмахера – тычок под рёбра. Где единственный плюс твоего положения в том, что ты можешь обижаться сколько угодно, хоть до потери сознания, потому что таким, как Чейс, нет до подобных мелочей никакого дела. Ну а в гареме и делать-то особо ничего не надо, всего-то слушайся и подставляйся. Это лучшее, на что я могла рассчитывать, стоя на исходной.

Это лучшее. И от одной такой мысли ком стоит в горле холодной горечью.

– Кстати, навестим-ка его. В профилактических целях.

Я шумно втянула воздух. В профилактических – это же не значит, что он серьёзно собрался сдавать меня обратно? Сердце всё равно забилося с бешеной скоростью, и я опустилась на сиденье на ничего не чувствующих ногах. Кэри прекрасно видел мои сомнения и вовсе не спешил развеивать их. У него был весьма удовлетворённый, даже немного напыщенный вид, чем он невероятно раздражал и в той же степени пугал одновременно. Поэтому, когда спорткар притормозил у знакомой вывески, я, съёжившись, вновь взглянула в лицо Ланкмиллеру. И та ехидная снисходительная усмешка, которую я получила в ответ, нисколько меня не успокоила.

– Вы же... на самом деле не собираетесь... – я сглотнула тяжёлый ком, мешавший говорить и дышать нормально, – хозяин? – кашлем царапнул по горлу, будто всю душу вынимая.

В этот момент я поняла, что мне отвратительно всё в себе. И этот зудящий страх перед ним, и эта тошнотворная заискивающая манера, чтобы ему польстить. Но это сработало, потому что я наконец получила от мучителя свой ответ.

– Нет уж, не в этот раз. Я тебя толком даже и не попробовал.

Я пропустила мимо ушей уничижающий тон, что не очень, наверное, хорошо. Но облегчение захлестнуло с головой, и я даже выскочила на тротуар раньше самого мучителя, однако тут же застыла от неожиданной мысли. Кроме

возвращения назад, я боялась только одного: встречи со старыми «клиентами». Ланкмиллер ещё не знает, и неизвестно ещё, как воспримет. Он ведь пребывает в уверенности, что я буквально «чистый лист».

– Что застыла? – сварливый голос донёсся в спину, и я молча поплелась следом с чувством, как будто меня в кабинет к себе вызвал недовольный босс.

Кэри выбрал столик не около окна, как нормальный человек, а где-то в глубине зала, рядом со стриптизёрским шестом.

– Который час? – безрадостно поинтересовалась я, усаживаясь напротив.

– Около двух, а что за интерес? – почти весело ответил он.

– В два стриптиз начинается, «отличное» время мы выбрали.

Я уронила голову на стол. В животе снова заурчало, и я поняла, что сил на споры у меня нет. К нам подскочила официантка и, учтиво поздоровавшись, положила на столик меню. Эта девушка была незнакома мне, что означало, Чейс нашёл замену с поразительной быстротой.

– Может, ты сразу что-нибудь посоветуешь, Кики? – Ланкмиллер неприятно протянул моё прозвище, вынуждая очень быстро реагировать, чтобы только его заткнуть.

– Баранью отбивную! С грибами. И морс, – я вскинула вверх указательный палец, а голову оставила лежать; голос от эмалированной поверхности отдавался глухо, может, меня

ещё и не узнают.

– Прекрасный выбор, – пискнула официантка.

Ну ещё бы. Вообще-то, почти все напитки в кафе разбавляли водой, но морс разбавленный был как раз вкуснее, потому что не такой кислый. Что касается баранины, то её я никогда не пробовала, но носить старалась как можно быстрее, потому что запах от тарелки исходил совершенно сногшибательный и до тебя со всеми деталями доходило, как ты голоден.

– Неужели так напрягает перспектива просто даже заглянуть сюда ещё раз? – когда официантка убежала, Ланкмиллер вальяжно откинулся на спинку дивана и закинул ногу на ногу.

– Нет, но ужасно напрягает перспектива безропотно исполнять любой ваш каприз, – я ответила ему в тон, явно рискуя заработать пару дополнительных синяков и психическое расстройство.

– Ты привыкнешь. Ещё влюбишься в меня.

Я посмотрела на него так, будто он рехнулся.

– Синдром идентификации заложника? – Разговор об этом несколько раз заходил на кухне под соответствующие передачи по телику, так что я очень слабо, но ориентировалась.

– Синдром идентификации заложника – это когда жертва симпатизирует. И смиряется с положением, – мягко поправил насильник.

– Н-ну... ты же отдаёшь себе отчёт, что это происходит... не по воле людей? Что я никогда по-настоящему не стану твоей, что бы ты там со мной ни делал.

– Станешь, – с титаническим спокойствием отрезал Кэри. Даже бровью не повёл.

Дальнейшему продолжения перепалки воспрепятствовал принесённый заказ. Я уставилась в тарелку и принялась есть, но уже без особого удовольствия. Хотя было вкусно, этого не отнимешь. Внезапно свет в зале чуть приглушили, и включилась негромкая размеренная музыка. Ясно. Два часа. Начало шоу.

– Сможешь так же? – Ланкмиллер усмехнулся, кивнув на старательно отработывавшую прямо напротив нас стриптизершу.

– Тебя б заставить, – глухо парировала я, не отрывая взгляда от своего стакана. В морсе отражались разноцветные лампочки.

Я неожиданно представила, как Кэри, медленно раздеваясь, крутится у шеста, и даже выпрямилась зачем-то. Интересно, грудь у него мускулистая или так себе? Под сорочкой не видно. Ну ладно, что-то подсказывает, что у меня сегодня же вечером шанс будет.

Скрипнул стул.

– Я оставлю тебя на минутку, – Ланкмиллер неторопливо поднялся. – Дёрнешься куда-то – жалеть будешь долго, – мучитель как бы невзначай скользнул взглядом по паре призра-

ков и своей охраны, сидевших за соседним столиком в тени. Потом направился прочь от нашего столика.

Хотя одна я пробыла недолго. Не прошло и минуты две, как ко мне подлетела взлохмаченная Зои, чего раньше с ней не бывало. Я по привычке вытянулась, ожидая приказаний, но, когда сообразила, что их не будет, даже как-то расстроилась.

– Розмари, как ты его сюда притащила?! – она плюхнулась на диван напротив меня.

Розмари. Ну надо же, никогда б не подумала, что будет настолько приятно слышать собственное имя.

– Кто ещё кого притащил, – пробубнила я, локтями опираясь на стол и уставившись в сторону окна.

– Вся кухня об этом трещит! Как улей! – Зои всплеснула руками. Я раздосадованно цыкнула языком. Заметили-таки. – Надо же, как ты изменилась. Ну, признавайся, у вас уже было?

– Если ты спрашиваешь о том, кончил ли он в меня, – с излишней прямоотой уточнила я, – то да, он в меня кончил.

– Ну наконец-то! – бывшая начальница так обрадовалась, как будто ждала этого всю жизнь. – А знаешь, что сейчас происходит в кабинете босса?

– Что?

– Ланкмиллерская охрана Чейса мажет лицом о стол, потому что твой новый хозяин какие-то там синяки у тебя обнаружил.

– Чёрт возьми, вот нелогичное существо. Как будто Чейс знал, что меня отдадут в наложницы, – пробормотала я, за-чем-то защищая хозяина бордель-кафе, хотя он был исправным подонком.

Но Кэри и сам не дурак залепить затрещину, и потому его чрезмерная щепетильность в этом вопросе была мне непонятна.

– Ой, – Зои подхватила свою юбку, вскакивая с места, – ну ладно, удачи тебе, подруга.

Я повела бровью, прикидывая, в какой момент мы успели стать подружками, но до конца мысль додумать не успела, потому что как раз в этот момент к столику вернулся Кэри.

– Идём, если доела, – скомандовал он как ни в чём ни бывало.

– А счёт оплатить? – неловко заикнулась я, мучимая солидарностью к бывшим коллегам.

– Это было за счёт заведения, – сухо осадил он, вытаскивая меня за собой из кафе.

Отбивная, кстати, мои ожидания превзошла.

4. Ночь, полная одиночества

Кэри остановился, выжидающе глядя на меня. А я вперила взор в тёмно-красный цветок в саду у ворот поместья. Секунд пять назад туда забилась оса, и я всё ждала, что она вылезет. Но бутон только покачивался, и насекомое своей скудной тушки обратно на свет не являло.

– Идёшь или нет? – поинтересовался Ланкмиллер.

– Можно мне здесь остаться?

– Оставайся, – он пожал плечами и двинулся в сторону поместья.

Я проводила его скептическим недовольным взглядом. Наконец-то хоть пару минут побуду одна. Одна, без этого уroda, его идиотских слуг и наложниц. Отложив подробный осмотр сада, я забралась под раскидистое дерево с гладкой корой, идущей пятнами по стволу, села прямо над траву и подтянула колени к груди. Отличное место, чтобы погрузиться. Я фыркнула себе под нос. Приступы беспросветной тягучей тоски настигали меня где угодно, это происходило вне зависимости от места. Я уже язык отбила говорить себе, что справлюсь. Что были в моей жизни и худшие времена.

На спину неожиданно легла ладонь, маленькая и тёплая.

– Не переживай, – вполголоса пробормотала Николь, усаживаясь рядом. – Сначала у всех так. Потом легче будет.

Я удивлённо обернулась, разглядывая свою «сокамерни-

цу», и хотела в ответ что-то сказать, но не нашлась. Одно дело – парировать летящие в тебя грязные ругательства, другое – отозваться на это.

– А что, наложницам разрешают гулять в саду? – Поэтому было принято решение сменить тему, как бы неловко это ни звучало.

– Конечно, – Николь кивнула. – У нас и в доме общая комната есть, и даже библиотека. Если долгое время проводить в одиночестве, можно и рассудок утратить. К слову, тебе тут всяких штук притащили в комнату – не протолкнуться. Если хочешь, помогу разобрать покупки.

Николь почему-то казалась грустной, будто вчерашнюю лёгкость у неё забрали.

– Что у тебя случилось? – с языка сорвалось раньше, чем я успела осознать, что я совсем не мастер беседовать на такие темы.

– Да так, поссорилась кое с кем, это пустяки, – наложница вымученно улыбнулась, пожав плечами. – У Норы характер вспыльчивый, тут уж ничего не попишешь.

О, склоки между наложницами.

– Повод хотя бы стоящий? – вяло усмехнулась я, мысленно уже кусая себя за язык и всячески одёргивая: из таких вопросов поддержка выходит не очень.

– Столкнулись наши непримиримые позиции по поводу обновления состава, – насупившись, с игривой серьёзностью сообщила она, будто докладывает генералу умильных

войск, но и за пространной формулировкой причина хорошо просматривалась – я.

– В общем... – Поднялась, отряхивая с себя налипшую траву и в очередной раз за разговор круто меняя тему. – Кажется, там что-то надо было разбирать.

Безусловно, сильной стороной Николь было то, что она всё понимала быстро.

Уже в коридоре на нашем этаже, проходя мимо фонтана, мы столкнулись со страшным страхом. Нет, девушка сама по себе была красивая, таких шлёпают на обложки глянцевым журналам, но глазами она метала такие молнии, что в воздухе почти ощущались разряды электричества. Если б только можно было убивать взглядом, кто-то из нас точно упал бы замертво. По привычному, ничего не выражавшему лицу Николь я поняла, что с большой долей вероятности это и есть та самая Нора. Наложниц не представляли друг другу, а потому ориентироваться было сложно. Она тут самая главная и любимая? Всех строит, потому что боится потерять статус? Ясно тогда, откуда столь бурный всплеск эмоций. Любой новичок в гареме – это повод чуть ли не для войны. Кажется, я и от Ланкмиллера успела услышать нечто подобное.

Пол в нашей комнате действительно был завален сумками, и хотя большая часть барахла была действительно подписана моей новой кличкой, попадалось и кое-что для Николь. Я случайно вытащила со дна пакета её серёжки: глубокий синий сапфир, очень нежный, в обрамлении из золота

с россыпью мелких драгоценных камней, которые будто светились изнутри, как капли воды на солнце. У меня в первый миг даже сердце от такой красоты замерло.

И тогда до меня дошло. Она, именно она, а не та в коридоре! Именно Николь – главная любимица Ланкмиллера. Однако этот статус не совпадает по какой-то причине с тем, как её воспринимают другие наложницы, и именно поэтому в комнате на двоих Николь до сих пор жила в одиночестве. Я покосилась на неё со странным чувством недоверия, ведь если среди всех эта девушка пользуется наибольшей его благосклонностью, разве не должна она сейчас ревновать? Ведь новая игрушка, очевидно, отбирает его внимание.

– Мне достаточно того, что он хорошо со мной обходится, – она перехватила мою мысль, так и не высказанную, будто из воздуха.

– Хорошо обходится? А как он... – Я зачем-то оглянулась на дверь, прежде чем продолжить. – А как он в постели?

Николь тихо рассмеялась.

– Он вырос в гареме. Как ты сама думаешь?

– Нет, я к тому, что... Мне показалось, он немного... грубоват.

Девушка неопределённо пожала плечами, мягко намекая, что обсуждать тут нечего, и мне стало неуютно от этого разговора. Ближе к вечеру, когда уже стемнело, к нам в комнату заглянула старушенция-уборщица и командным тоном потребовала:

– Кику, на выход!

– Руки за голову, лицом к стене... – проворчала я себе под нос, неохотно поднимаясь с кровати. Меня уже клонило в сон, и выпутываться из одеяла, чтобы идти всячески ублажать его высочество, до ужаса не хотелось.

Тётка ткнула мне в спину, выпихивая в коридор и очевидно проклиная мысленно за медлительность. Как будто если я не потороплюсь, Кэри умрёт от недотраха. О, поверь мне, женщина, это будет последнее, от чего он умрёт. Её б так кто ткнул в хребет, это больно, между прочим. Гренадёрша.

В коридоре вечером было довольно атмосферно, тёплый свет в ночниках слегка подрагивал, разливаясь по стенам мягкими очертаниями, и пахло чем-то приятным вроде сандала. Правда, охранники в форме разрушали всю магию и наводили страха, прогуливаясь по коридору, как вестники грядущего апокалипсиса, большие и чёрные.

Меня бесцеремонно впихнули в кабинет к домашнему тирану и тут же захлопнули дверь, чуть не пришибив при этом затылок. Интимное вечернее освещение совсем не настроивало на рабочий лад, навевая нехорошие мысли, как будто здесь только и делают, что трахаются. Хотя, собственно, зачем же иначе меня сюда водворили...

Сам хозяин апартаментов увлечённо беседовал с кем-то по громкой связи, настолько не обращая на меня внимания, что я начинала потихоньку ощущать себя предметом мебели и с трудом подавила опасное для здоровья желание смыться

из кабинета, пока он этого не заметил.

– Нет, я полностью доволен, – Ланкмиллер покачал головой, – это как раз то, что мне было нужно. Язык, правда, длинноват. Но его и подрезать можно.

Я вслушалась внимательнее, потому что вдруг показалось, что разговор идёт о моей персоне. Уж очень у мучителя был нехороший тон.

– Не сомневаюсь в тебе... – послышался чей-то грубоватый мужской голос по ту сторону аппарата. – Но призываю оставаться начеку и не терять главного. Ох, ладно, думаю, скоро тебе всё равно наскучит...

– Поживём – увидим, – Кэри плотоядно усмехнулся.

– Ладно, страстной ночи.

Аппарат пискнул и отключился. Маленькая зелёная лампочка погасла. Сути разговора я так и не смогла уловить, а времени на раздумья мне не дали. Ланкмиллер наконец поднял голову, и от его взгляда будто волной жгучей окатило. У меня в душе всё заныло от ненависти.

– Ну, и чего встала? – медленно протянул он, впиваясь в меня взглядом, словно это был набор иголок из хозтоваров. – Как будто не догадываешься, зачем ты здесь.

– Уж просветите по барской милости. – Он ведь только что распинался со своим странным полуночным собеседником о моём длинном языке, куда меня только черти несут?

Мучитель нахмурился. Я тут же мысленно представила себя за авторством бестселлера «Как выбесить Ланкмиллера

за пару секунд». Способ номер один – бухтеть.

– Любишь ходить по краю, Кику?

«Как выбесить Розмари Майер за пару секунд».

Способ номер один – «Кику».

– Меня зовут не так, – прошипела сдавленно и зло, так тихо, будто у меня отказали голосовые связки. Может, именно поэтому он и не услышал. Или сделал вид, что не услышал.

– Девочка моя, – мягкий, почти что мурлычущий сменился на твёрдый приказной, – начнём, пожалуйста, с минета.

Сложно описать весь тот диапазон чувств, через который меня протащило всего за несколько секунд, оставив испарину на коже и дрожь в коленях. Где-то в недрах сознания застрял даже нервный смешок, потому что он попросил минет так, как просят годовой отчёт.

– Я не умею! – брякнула первое, что пришло в голову. И, боже, это самая откровенная, прямая и тупая ложь, когда-либо бывшая в моей жизни.

– Не умеешь? – мучитель изумлённо вскинул брови. – Чем же ты занималась в этом своём бордель-кафе?

– Я была официанткой, мне казалось, мы это уже прояснили. – Насупилась ещё больше, если это вообще возможно было, и мрачно воззрилась на хозяина комнаты.

Но ведь он знает, кем я работала. Издевается? Или у него просто слишком размытое представление о том, каким образом разделяют обязанности в таких заведениях. Я его ни разу не видела среди клиентов, что, впрочем, неудивительно.

– Иди сюда, – поманил Кэри, улыбнувшись, и откинулся на спинку кресла.

Его глубокий и бархатный голос как будто лишал воли, и я медленно приблизилась, не совсем понимая, чего от меня хотят. Он сейчас просто в рот трахнет? Будет грязно и неприятно. Неприятно – это даже слишком невыразительное слово, чтобы передать.

К моему удивлению, Кэри усадил меня на колени, спиной к себе. Теперь его дыхание ложилось мне на шею, и эта чрезмерная близость лишала возможности сидеть спокойно, я сразу напряглась и заёрзала.

– Нет ничего проще для наложницы, чем отсосать у хозяйина, – томно прошептал Кэри мне на ухо, больно притягивая за волосы. – Смотри. – Он взял мою руку, положил туда, где была ширинка его штанов, я наблюдала за этим с отстранённым унынием, так, будто это тело принадлежало не мне. – Берёшь его нежно...

Меня сейчас стошнит от отвращения, хотя мы ещё не начали.

– Ладно, я всё сделаю! – я вырвалась, не выдержав его нажима.

Мне вдруг показалось, что легче сдаться, чем терпеть весь этот концерт. Может, он хотя бы отстанет от меня. Может, даже отпустит обратно в комнату.

– Ки-ику, – мне в самое ухо, поглаживая волосы. – Давай под стол.

Я, обречённо вздохнув, опустила на колени. Уверенно расстегнув пряжку на ремне и ширинку, высвободила напряжённый член. Хорошо хоть, расшевелить не придётся. Про себя отметила выдающиеся размеры: неудивительно, что в первый раз мне было так больно.

Из этого положения Ланкмиллер не мог видеть моего лица, и от этого становилось как-то... полегче.

Я выждала секунды две, лишь опалая горячую кожу своим сбившимся дыханием, потом взяла в рот головку и, плотно обхватив губами, медленно выпустила изо рта. В таком деле главное не спешить, если хочешь добиться качества. Я неторопливо слизывала капли смазки, поглаживая член у основания, потом скользнула языком дальше, обводя выступившие вены. Его пальцы легли было мне на затылок, но я тут же зашипела, скинув их.

– Позволь мне самой разобраться, как тут что. Терпеть не могу, когда вмешиваются.

Я легко коснулась губами уздечки, награждая Кэри осторожным поцелуем.

Нет, всё время двигать головой туда-сюда слишком скучно, мне всегда больше нравилось работать языком, и разнообразия больше, и эффект отменный. Что на мучителя это тоже действует, я лишний раз убедилась, когда услышала, как ручка, которую он всё в пальцах вертел, покатила по столу. Причмокивания раздавались самые развратные, но что тут сделаешь... Дыхание у него стало хриплым и отры-

ВИСТЫМ.

Я, медленно проводя по горячей коже губами и порой до-трагиваясь языком, прочертила влажную дорожку от самого основания члена, снова взяла в рот, медленно вбирая глуже. Внезапно я ощутила давление его пальцев у себя на за-тылке и, от неожиданности даже не сопротивляясь, подалась вперёд и едва не поперхнулась от таких выкрутасов.

Сперва даже не поняла, к чему это было сделано, но, вид-но, слишком увлеклась и пропустила момент, потому что в следующее мгновение рот наполнился вязкой и тёплой жид-костью. Будучи в «Шоколаде», я всегда бегала сплёвывать в туалет, но Ланкмиллер ждал от меня другого. Я сглотну-ла, преодолевая отвращение и навязчивые рвотные позывы. Отерев с подбородка белесые капли, стиснула зубы. Кэри за-стегнул ширинку и слегка отъехал от стола, чтобы увидеть моё лицо. А лицо у меня, наверное, было то ещё. Особенно для того, кто только что заставил одну мразоту кончить от умелых поцелуев.

– Значит, ты соврала мне. Ну, и что будем с этим делать, м? – мягко проворковал Ланкмиллер. – У нас за такое вооб-ще-то наказание причитается.

– Хорошо, я умею делать минет, – созналась, всё ещё сидя на полу и глядя прямо перед собой. – Это всё знакомство с одним геем-куртизаном. Он мне, между прочим, этим жизнь спас. Я бы загнулась там, мы работали с утра до ночи, а на этом пайке нищенском долго не протянешь, так что кто чем

МОГ...

– И ты зарабатывала тем, что сосала у мужиков? – Кэри коснулся мой щеки подошвой ботинка, я хотела было отпрянуть, но только стукнулась плечом о какой-то угол: было особо некуда. Поэтому пришлось терпеть унижительную процедуру, мысленно посылая в его сторону такие проклятия, от которых даже у похмельного Чейса тотчас свернулись бы уши.

– Давай, осуди меня за это. Будто у меня другой выбор был. Туда приходили только похотливые мужики с деньгами. Что им ещё предложить? Я каждый грёбаный раз молилась, чтобы только хозяин меня не застал за этим, иначе убил бы, ему ведь с этого ничего не перепало.

Неожиданно Кэри дернул меня наверх, усадив на кресло меж своих ног. Я позволила себе откинуться на его спину, лишь потому что заколебалась так, что сил не было.

– Сперму с губ оботри, – усмехнулся мучитель, вроде бы даже беззлобно, но это всё равно вызывало во мне целый шквал жгучего раздражения.

– Пошёл к дьяволу, – огрызнулась я, вытирая-таки губы.

– Какая грубая девочка. – Тёплые пальцы скользнули по моей щеке и опустились на губы, чуть надавив на них. Заставив приоткрыть рот, скользнули внутрь. – Кику, не будь пассивной, – прошептал мучитель в самое ухо, и я вцепилась в столешницу, скрывая дрожь.

Да ты мне ещё в глотку свои пальцы запихни. Судорожно

сглотнула, проводя по одному из них языком, и в глазах учителя отразилось скрытое одобрение.

Я вылизывала его пальцы по очереди, ощущая, как внутри нарастает странное тянущее чувство, не то чтобы неприятное, но тёплое и тяжёлое, замедляющие мысли, превращая их в густой поток растопленной карамели.

Наконец Ланкмиллер с довольным видом вынул пальцы у меня изо рта, оценивая эффект. Затем вдруг неожиданно наклонил меня вперёд, заставляя опереться ладонями о стол, задрал платье. Меня потрянуло от прикосновения пальцев к внутренней стороне бедра, и я с шумом втянула воздух, ощущая, как они медленно поднимаются выше.

– Кэри, ты грёбаный маньяк какой-то... – пробормотала я, растерянная от смешанных чувств, которые целиком меня затопили.

– Ещё раз назовешь меня по имени, язык вырву, – ласково пообещали мне, и я фыркнула себе под нос.

Ну, тогда с минетом можешь распрощаться, скорый на расправу господин Ланкмиллер.

– Пойдём, – вдруг велел он, прерывая пытку и отстраняясь.

– К-куда это? – Видимо, я так ошалело на него воззрилась, что это даже вызвало смешок.

– В ванную, там расслабимся.

Я почти услышала тот грохот, с которым рушатся мои надежды пораньше попасть к себе в комнату, и вяло чертыхну-

лась под нос, уже не обращая внимания на его присутствие.

– Идём, свет мой... – Кэри ободряюще подтолкнул в спину, и я удручённо, но послушно поплелась в заданном направлении.

Раздеваться перед ним не хотелось, ровно так же, как и лицезреть его обнажёнку. Хорошо хоть, я одна здесь, а то слышала, некоторые целые сонмы наложниц вокруг себя собирают. Это было бы совсем неловко.

Пора привыкать к катастрофе, Розмари.

Кику...

Ванная всё же была лучшим местом этого дома, и сей факт малость утешал. В джакузи сразу уютно зажурчала вода, и пар от неё медленно заполнил комнату, поднимаясь к потолку, заволакивая матовой пеленой металл и поверхность зеркала. Я стояла как истукан, тупо уставившись на бортик, пока мучитель сзади бесцеремонно, совсем по-хозяйски принялся расстёгивать верхние пуговицы моего платья, но, едва его пальцы коснулись прохладной от волнения кожи на шее, мне стало невыносимо от этого безысходного унижительно-го процесса, где всё, что от меня требовалось, – это стоять как кукла. Я отскочила разом, зло сдергивая с себя одежду. Ланкмиллер только чуть изумлённо наблюдал за всеми моими манипуляциями, спиной прислонившись к стене и не спеша расстегивая свою сорочку.

– Полегче, Кику, ну так же никакой романтики, – вяло протянул он. – Ну что ты как из дикого леса, в самом деле.

Наложницам так себя вести не пристало.

В ответ на это я беспомощно бросила верхнюю одежду на пол, к своим ногам, и устояла на мучителя чуть ли не с мольбой. И тут же остолбенела. Он уже успел раздеться, и вид живого голого мужика привёл меня в ступор неожиданно для себя самой. Я зря не представляла его без рубашки, там было чем поддразнить своё воображение. Подтянутое тело, широкий разворот плеч, жилистые руки, от которых в первое мгновение сложно было отвести взгляд.

– В общем, ладно, – он ловко опустился в ванну, – раздевайся до конца и давай ко мне. Не бойся ты, расслабляться тоже надо уметь.

– В руках озабоченного хозяина хрен расслабишься, – хмуро буркнула я, силясь расстегнуть бюстгальтер.

Кэри рассмеялся.

– В руках озабоченного хозяина это обычно лучше всего выходит. Могу пену организовать, если даму так сильно подводят нервы.

Осторожно опираясь на мокрый бортик, я попыталась кое-как попасть в джакузи и обойтись при этом без всяких происшествий. Но куда уж там. Неловко поскользнувшись, с плеском свалилась прямо на Ланкмиллера и сквозь зубы заскулила от досады, уткнувшись в его плечо. Кэри пригладил меня, словно домашнего зверька, чуть ли не за ушком почесал. Если он так пытался успокоить, то это хреновый способ.

Я так и сопела обиженно в его грудь, не решаясь поднять

голову. Ведь это подразумевает, что мне придётся встретиться с ним взглядом. Такое плохо себе представлялось в наших-то обстоятельствах.

Неожиданно в сознание закралась странная мысль. Кэри вмешался тогда в «Шоколаде», когда ко мне прикопался Флетчер. Что, если бы Ланкмиллер этого не сделал, остался бы лишь наблюдателем? Почему я вообще его заинтересовала? И стоит ли мне благодарить его за то, что в ванной сейчас со мной не местный наркобарон со своей удручающей лысиной? При этой мысли я едва не прыснула почему-то. Ланкмиллер был ещё молод для лысин, и волосы у него на вид мягкие. Женским шампунем, небось, моет. Тем, который пахнет как средство от тараканов.

Пены вокруг становилось всё больше. Мне от этого с каждой секундой было легче, и наконец хватило смелости отползти подальше, по возможности вообще не касаясь Кэри. Между нами уже успело повиснуть томительное молчание, и я принялась отрешённо выводить в пене круги указательным пальцем. Неуютно было и страшно немного, хотелось эмоционально оградиться от ситуации. В пузырьках разноцветными огоньками отражались лампочки.

– Кику? – тон у Ланкмиллера был спокойный, даже чуть заботливый. Я вскинула голову, вырванная из своего оцепенения его голосом. – Ты меня боишься?

– Нет, – после недолгих колебаний отозвалась я. Вышло не очень уверенно.

– Тебе неприятно?

– Я просто... я не могу так сразу...

– Ах, вот оно... – он вдруг расплылся в нехорошей многообещающей улыбке. – Не огорчайся, к этому быстро привыкают. Сядь ко мне лицом.

К нему лицом?! Да я и так уж практически на его член села.

Поёрзала немного, устраиваясь удобнее, а потом укоризненно уставилась в лицо Кэри. Он невозмутимо выловил откуда-то из пены мою руку и положил себе на грудь. Похоже, ждал от меня чего-то, и я, чтобы не обострять, принялась аккуратно и старательно, самым кончиком указательного пальца, вместо пены выводить кривые круги на его коже, готовая в любой момент одернуть руку, словно от кипятка. Но мучитель наблюдал спокойно, ничего не говорил и не делал. Так что постепенно я осмелела и уже всей ладонью изучала его грудь, иногда спускаясь к животу, но строго не ниже.

В конце концов Кэри прыснул.

– В чём дело? – Я чуть было не добавила «засранец» к своему вопросу, но вовремя прикусила язык.

– Прости... Просто у тебя вид был такой сосредоточенный.

– Ну всё, я не могу так больше, – попыталась вылезти к чертям, но Ланкмиллер ухватил меня за руку и мягко вернул обратно.

– Стоять. – Он с полочки у ванной достал мягкую пуши-

стую мочалку и, усадив меня на прежнее место, принялся намыливать, методично и медленно, начиная с плеч.

Вид у него был такой отстранённый, будто он думал о чём-то своём, вообще не связанном со мной. Руки, живот, а когда до груди добрался, хмыкнул придиричиво:

– М-да, сисек у тебя, знаешь ли...

– Заткнись, – неожиданно рявкнула я. – Сам выбирал!

Нет, ну ещё жаловаться будет! Каков подлец!

– Ну их же почти нет совсем... – примирительным тоном заметил Ланкмиллер, продолжая своё дело.

– Нет, есть! – заупрямилась я. – Внимательней посмотри!

Кто бы сказал мне, зачем я сейчас это ляпнула. Потому что он действительно... посмотрел. Придвинулся ближе, будто страдал от близорукости, потом вдруг обхватил губами сосок, лизнул, а затем, по-прежнему не выпуская изо рта, принялся легонько посасывать. От неожиданности я даже указательный палец закусила, подавляя рваный, рвущийся из груди вздох и прикладывая усилия, чтобы снова не свалиться на своего мучителя. В животе зарождался странный комочек лёгкости, она разливалась истомой по всему телу, заставляя чувствовать себя... непривычно.

– Чего ты дышишь так? – Кэри отстранился, поднял глаза на меня.

– Отвали, – мрачно буркнула я, отодвигаясь.

Он отнёсся к этому философски.

– В душ пошли, в пене всё, – скомандовал через секун-

ду, помогая мне выбраться на этот раз, чтоб предотвратить неприятные эксцессы.

Я безжизненно уставилась ему куда-то в грудь, пока упругие обжигающие струи хлестали по волосам и коже, смывая бесчисленные мелкие пузырьки. От густого пара сложно было дышать, босыми ногами я ощущала пупырчатый разогретый пластик, ступать по которому было приятно, и в глубине души мне хотелось, чтобы Ланкмиллер тоже удовольствовался этим, тем, что под горячими струями просто хорошо стоять, ничего друг другу не говоря. Но это были пустые надежды с самого начала.

Кэри напряжённно вздохнул:

– Кику, ты же ведь не живой труп и не кукла. Ты наложница. Это значит, когда возникает неловкая пауза, надо её чем-то заполнить, а не бестолково на меня пялиться.

Я позволила взгляду спуститься ниже, изучая Ланкмиллера уже совершенно бесстыже и во всех деталях. Губы скользнули вверх по его ключице, осторожно стирая капельки воды с кожи, но Кэри явно ожидал чего-то более жаркого. Нетерпеливо вздохнув, он заставил меня уткнуться лицом в мокрую и чуть прохладную стенку. Подозревая, что ждёт впереди, я оперлась нервно стиснутыми кулаками о скользкую поверхность кафеля и вобрала в грудь побольше воздуха, чтобы восстановить плавное течение мыслей. Только это не очень-то помогло. Меня с головой и всеми потрохами медленно и неотвратимо захватывало предчувствие того, что

снова должно произойти между нами, но жаркие струи души помогали свыкнуться с этой мыслью, расслабиться хоть немного. Кэри прижался грудью к моей спине. Его ладони скользнули по талии, остановившись на бёдрах. Я почувствовала, как на шею легли горячие губы. Это был довольно бесцеремонный и собственнический поцелуй, который наверняка оставит в память о себе отметину.

Я интуитивно расслабилась, позволив Ланкмиллеру вести самому, и он делал это уверенно, без колебаний. Пальцы надавили на мои бёдра, заставив прогнуться, и я втянула густой влажный воздух, чувствуя, как его член медленно входит в меня. Выдохнула, судорожно сжимая и разжимая кулаки. Вот теперь он полностью во мне, и это... приятно? Я не знаю, это не должно быть приятно, ни на одном из уровней. Но Кэри замер, а я неожиданно для себя качнула бёдрами, подаваясь навстречу. Да что за...

Первые несколько движений были какие-то беспорядочные, потом Ланкмиллер задал постоянный ритм, и я честно старалась под него подстроиться, потому что знала: так будет легче. Дыхание всё учащалось, и постепенно выдохи начали перемежаться со стонами. Я кусала губы, прижималась щекой к прохладному кафелю, но сделать с собой ничего не могла. У меня не было контроля над ситуацией, вообще. Но это и хорошо. Пугающе хорошо. Абсолютная, иступлённо горячая эйфория затопляла с головой, так что от мыслей оставались пустые бессмысленные обрывки.

Уже немного позже, лёжа под одеялом в его кровати и бездумно уставившись в потолок, я сделала для себя два вывода.

Трахаться в душе здорово, и меня пугает такой поворот событий.

Кровать у Ланкмиллера была мягкая и большая, ты только раз касаешься её – и уже хочешь отдаться блаженству сна. На полу валялись махровые полотенца, отброшенные туда за ненадобностью. Сам Кэри сейчас лежал рядом, точно так же, как я, вперив взгляд в потолок. То ли отходил ещё, то ли размышлял о чём-то. Его близость эмоционально очень сильно выматывала меня.

Отвернувшись, я перекатилась на самый край кровати и негромко поинтересовалась оттуда:

– Так если грудь моя тебя не устраивает, зачем взял тогда? Вон сколько у тебя этих... своих...

– Отцовских, – мгновенно поправил Кэри, – он их всех сам выбирал, сам же подгонял под свои привычки и предпочтения. Ты единственная в полном смысле моя.

– Угу. И ты все два года ждал, пока Чейс Тейлор проиграется тебе в покер-шмокер, чтобы обзавестись своей?

– Я не играю в покер-шмокер, – Ланкмиллер, покосившись на меня, усмехнулся, – я просто дал ему денег в долг, вот и всё. Во-первых. А во-вторых, банально не доходили руки. Все эти два года ушли на то, чтобы разобраться с бизнесом. За это время гадюшник в доме завязался таким узлом, что теперь и не развяжешь.

Напряжённая атмосфера чувствовалась уже на пороге, когда ты ещё не успел посмотреть никому из здешних в глаза. Но меня удивило мужество, которое он нашёл в себе, чтобы открыто об этом сказать.

– Я не ждала, что ты признаешь поместье гадюшником... ну, сам.

– И я его часть. И ты ею станешь. Стоит только здесь пожить, весь воздух отравлен насквозь. Я оставил бы поместье насовсем. Но дела. – Ланкмиллер сообщал об этом будто и не мне, а потолку своему.

– Сексозависимость.

– Что?

– Сексозависимость, а не дела, – проворчала я, сжимаясь в комочек.

– Ну знаешь, такое иногда случается, если растешь в гареме, – с усталым смешком пояснил он. – Возвращаясь к твоему вопросу, почему я взял тебя. Мне нравится твоё тело. Твой голос, когда ты стонешь.

Господи, он говорит обо мне, как о вещи. И я почти не нахожу в этом ничего удивительного.

– А мне вот не нравится, – вдруг запальчиво проговорила я, к концу фразы едва успев прикусить себе язык.

– Что именно? – совсем без интереса лениво осведомился Кэри.

– Ты не нравишься. Своё положение. Рабство. Быть наложницей.

– Ты человек подневольный. – Ланкмиллер с такой интонацией это сказал, будто этот простой факт устраняет любые недомолвки, любые вещи расставляет на свои места. Я снова вспыхнула, ярче прежнего.

– И что же это объясняет, чёрт тебя возьми? Ты... ты вообще видишь во мне человека? Что ты обо мне знаешь, кроме... – Осеклась, потому что пересохло горло и внезапно перестало хватать воздуха, пришлось глотать его судорожно, сжимая в кулаке покрывало.

Но, кажется, я уже и так сказала достаточно. Гораздо больше, чем хотела. За короткую передышку разум остыл, и я поняла, чего мне будет стоить лишняя болтовня.

– Ну расскажи, – Кэри перекатился на бок и притиснул меня к себе, устраивая в объятиях, из которых я моментально попыталась выскользнуть. – Расскажи, что мне стоит о тебе знать.

– Не то чтобы я могла... – Давать заднюю после избыточных речей было не очень красиво. Ну что ж, сама виновата. Нечего было распляться, если не готова была с ним откровенничать.

– И как я должен это понимать? – не скрывая издевки, поинтересовался Ланкмиллер.

– Я не помню значительную часть своей жизни. Несколько лет как будто вымарали. Они исчезли, будто их и не было. – Это глубоко личное переживание. Темой, на которую я так ни разу ни с кем не говорила. Я выдала это сейчас только от

беспомощности. В надежде, что мы как можно скорее уйдём от этого разговора.

Мучитель замялся, будто прикидывая, не вру ли я, а потом и вовсе уставился в потолок. Хотела бы я врать. Но в голову хоть колья вбивай до исступления, а белые пятна остаются белыми пятнами. Это так пугающе и болезненно, и ты не можешь сделать с этим ничего. Я думала, пройдёт со временем, но как бы не так.

– Поясни-ка чуть подробнее, будь добра, – наконец потребовал Ланкмиллер, поворачивая моё лицо так, чтобы его было хорошо видно.

– Я помню своё детство, но не очень хорошо, урывками. Здесь не о чем особо рассказывать. Много болела, зимой почти не выходила из дома, и единственным развлечением становились книги из местной библиотеки. Кажется, у меня была маленькая любящая семья, только отец и мать, больше никого. Их лица я помню размыто, только запахи остались. Пирог по праздникам, цветок на окне, школа. И в один день ты просто просыпаешься с разбитой головой в какой-то канаве, мокрый насквозь. Никого из них я больше не видела. Из полиции меня тогда передали в «Змеиный зуб», потому что, кажется, у них были на меня документы. Сам знаешь, что значит туда попасть. А оттуда меня уже выкупил Чейс за бесценок. Потом два года работы в бордель-кафе. Их я уже хорошо помню. Между этими двумя обрывками как будто прошло несколько месяцев или даже лет, не знаю. Когда в

моей жизни всё стало так плохо? – Наружу из груди вырвался хриплый невесёлый смех. Оборвался резким выдохом за секунду.

Я замолчала, прекратив бессмысленные и изрядно утомившие нас обоих попытки вырваться из ланкмиллерских объятий, и теперь лежала тихо, безучастным взглядом изучая полог над кроватью. За окном всюду хлестал заунывный дождь, и мне впервые не надо было беспокоиться о том, что вода затечёт под раму и под кроватью будет потоп. Я бы даже расслабилась, если б не близость Кэри. Не знаю, спал ли Ланкмиллер; мерно сопел на ухо.

– Кику, – наконец вздохнул он и продолжил серьёзно: – Рекомендую тебе распрощаться с прошлым. Теперь ты здесь. Привыкай, учись и слушайся. И, может быть, из тебя даже выйдет что-то путное.

Я скривилась внутренне. «Что-то путное» – это то, что можно с комфортом трахать? Никто не ждал от него сочувствия, но от этих слов на душе всё равно остался скребущий осадок. Кэри лениво поглаживал мои волосы тремя пальцами, почти не шевеля ладонью, как это обычно делают с котом, когда он под вечер забирается хозяину на колени.

Глубоко внутри колотилась тихая ненависть.

Потом меня накрыл сон.

Наутро мучитель вытолкнул меня из своего кабинета чуть ли не пинками, потому что моё присутствие приходилось там как нельзя некстати. Срочный звонок, срочная куча дел,

срочные проблемы требовали его немедленного внимания, которое сильно отвлекалось моим присутствием. Не то чтобы я сама горела желанием оставаться в его комнатах хоть на секунду дольше, потому исчезла быстро, не дожидаясь ни уговоров, ни пояснительных подзатыльников. Тем более от вчерашнего, местами даже сносного стебливого Ланкмиллера не осталось и следа, одни пафос и раздражение. В коридоре мне даже дышалось легче. Неизвестно, когда он снова меня позовёт, но это будет явно не в следующую секунду, что уже внушает кое-какой оптимизм. Можно пожить спокойно; и раз здесь есть библиотека, значит, надо её найти. Хорошо бы обошлось без сопровождения престарелых служанок и педантичных охранников.

Ещё некоторое время я задумчиво постояла под дверью, размышляя о своём дальнейшем досуге и невольно подслушивая деловые ланкмиллерские беседы по телефону. Он практически через слово упоминал «Шиффбау», вторую в мире судостроительную компанию помимо его собственной, злейших конкурентов. О, этот суровый мир бизнеса, в котором я смыслю чуть меньше, чем ничего.

Я с трудом, ощущая себя разбитой после прошедшей ночи, отлепилась от двери и поплелась вдоль по коридору для начала в свою комнату, чтоб хоть привести себя в человеческий вид. А на углу прямо лоб в лоб столкнулась с Норой и даже отскочила в сторону. Наложница тоже чуть отступила, окидывая меня странным, задумчиво-удивлённым

взглядом. Босые ноги, встрёпанные волосы, помятый вид и сиреневый синяк на шее, оставленный мучителем специально, как грёбаная чёрная метка в этом гареме. Ну что обо мне можно было ещё подумать при этих вводных? Ничего, кроме того, что Нора уже подумала. Задохнулась, как будто её внезапно начали душить, и быстрым шагом направилась вдоль по коридору туда, куда шла. Я молча проводила наложницу взглядом и чуть опустила голову. Жаль её немного, у неё своя правда. Она была любимицей Ланкмиллера-старшего, если верить словам Николь. Должно быть, тяжело свыкнуться со своим нынешним положением.

Николь едва проснулась, когда я вошла. Она сидела на кровати всё ещё в ночной рубашке и не спеша, старательно расчёсывала волосы большим перламутровым гребнем. Моё появление наложница встретила понимающим взглядом.

– О, Кику, тебе тут опять принесли всяческой косметики: для мягкости, свежести и упругости, чтобы удалить волосы и пышнее вырастить их, для блеска и против блеска, и вообще, мне кажется, скоро они такими темпами изобретут эликсир бессмертия. Короче говоря, дел тебе сегодня предстоит немало, – она усмехнулась в кулак, а меня передёрнуло от этой собачьей клички из чужих уст.

Кажется, это пока что худшая пакость, которую смог выдумать Кэри, чтобы отравить мне жизнь.

– Вот как, – я повалилась ничком на кровать, протирая глаза. – Ничего неохота... К слову, я тут кое-что случайно

услышала краем уха. Что это за компания такая, «Шиффбау»?

Мне хотелось знать чуть больше обо всём, что происходит, потому что, как верно подметил Ланкмиллер, я теперь здесь. К этому можно по-разному относиться, но это факт, лучше быть осведомлённой о мелочах, чем неприятно застигнутой врасплох.

– Судостроение, особенно мелкое, – очень прибыльное дело, – неуверенно пробормотала Николь, поглядывая на меня. – У меня раньше были знакомые, которые в магазине закупились на одном острове, работали на другом, а жили вообще на третьем. И всё это было рядом, через небольшие проливы. Паромы – это как автобусы для большой земли. И судостроением всегда занималась компания Ланкмиллеров, Golden Inc., и этот «Шиффбау» тоже был её частью до не столь давнего времени. – Она повалилась на подушку, раскинув руки. – Но потом он откололся, и сейчас у хозяина с ними буквально война за продажи. Это всё, что я знаю, да и тут больше рассказывать нечего.

Хозяином. Она зовёт Кэри хозяином.

– В общем, понятно... – пришлось топтать в ванную за новым списком указаний по превращению меня в подобие хорошей наложницы, изображая вид, будто большого интереса в вопросах бизнеса Кэри у меня нет.

А он был, я, признаться, даже понять не могла, откуда. Этот «Шиффбау», который просто взял и откололся... Се-

мейные разборки? Но с кем? Николь ведь сказала, что кроме Кэри нет других наследников.

Вдруг в дверь постучали, я даже обратно в комнату вернулась из интереса. Вдруг завтрак? А есть хотелось просто жутко, желудок впал в буйство, напоминая о голоде так активно, что игнорировать это было сложно. В дверях появилась молоденькая служанка, она странно, боком, будто у неё что-то болело, вошла в комнату и, сбито извиняясь за беспокойство, оставила на маленьком деревянном столике с единственной ножкой переполненную фруктами тарелку, после чего поспешно выскочила за дверь.

– Странная она какая-то, – я хмыкнула тихо, себе под нос. – Впрочем, они все тут...

– Может, новенькая? – Николь пожала плечами, видно было, что у неё этот визит тоже оставил смутное впечатление. – Я не видела её раньше.

– У нее будто болит что-то, – сварливый тон сейчас был ни к чему, но после ланкмиллерской грубости с утра пораньше так и рвался наружу.

Наложница деликатно пропустила это ворчание мимо ушей и, положив к себе на колени гроздь винограда для удобства, продолжила расчесывать волосы.

Я тоже не стала надолго зацикливаться, всё-таки голод по-прежнему давал о себе знать весьма настойчиво. Схватила с тарелки яблоко, опасливо пренебрегая экзотикой, и снова ушла в ванную, но уже через каких-то пять минут вернулась,

понимая, что больше ничего ни с волосами, ни с кожей сделать не в силах. Чувство было такое же, как тогда, когда нас в бордель-кафе однажды накормили протухшей рыбой. Мучила жуткая тошнота и озноб, пробиравший всё тело. Я оперлась на дверной косяк, прилагая ощутимые усилия, чтобы не сползти по нему на пол. Чувствуя, как неотвратимо подступает пора обниматься с «белым другом». Ох, как я всё это ненавижу...

Николь при виде меня вскочила с кровати, но тут же тяжело осела обратно. Она была вся серая.

5. Скорбящее божество

Творилось что-то слишком отвратительное даже для моей жизни. словно утопленная в тумане, я лишь изредка выныривала на поверхность, где был белый потолок, жёсткая койка, уколы, головная боль, жажда и тошнота. Тяжёлый запах спирта, пропитавший собой воздух, наволочки и стены. Так продолжалось, кажется, уже очень долго, так что монотонный писк приборов въелся в подкорку и потихоньку сросся с моим существом.

Всё так сразу резко смешалось и оборвалось, что сейчас я ровным счётом ни черта не знала, не помнила, из мыслей будто не осталось ни одной целой. Все они потонули в вязкой туманной взвеси. И я тоже – вместе с ними погружалась всё глубже. Но однажды из забытья меня выдернул резкий голос Ланкмиллера.

Я лежала, не двигаясь и часто моргая, уставившись в потолок, и чувствовала себя почти так же, как тогда на помойке под дождем, когда в памяти обнаружила огромную, ничем не заполнимую дырищу. Я уцепилась за голос Кэри, как за спасительную соломинку. Больше не хочу проваливаться в эту омерзительную бездну, возвращаться во тьму.

Медленно и осторожно восстановила в памяти последние сохранившиеся моменты. Сразу стало легче чувствовать себя живой. Постепенно вернулась и возможность мыслить

трезво и строить разумные предположения. Отравление, наверное? Мерзкая штука. Да какое сильное. Еле мизинцем пошевелить могу. Может, сдёрнуть с себя уже эту капельницу? Замучила, сил нет. И белый потолок тоже видеть больше уже не могу. Хотя если приглядеться, то на этот раз он бежевый.

– Пусть так, – Ланкмиллер медленно выдохнул, – но почему я узнаю об этом последним?

Он говорил спокойно, но тихую, клокочущую ярость в этом спокойствии мог не услышать только глухой.

– Мне не приказывали поставить вас в известность! Если бы был приказ, тогда и...

Беседа подобного содержания продолжалась уже несколько минут, и в конце концов я решила поискать глазами её участников. Никогда б не подумала, что обыкновенный поворот головы будет стоить мне стольких усилий.

Зато когда мои старания увенчались успехом и я заметила двух мужчин, разговаривающих у двери в комнату – а это была уже наша с Николь комната, а не больничная палата, – не смогла сдержать вздоха облегчения. Не знаю, с чего вдруг он вырвался. Просто страшно было бы одной быть после всего этого тумана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.